

УДК 316.42:35; 316.65
DOI 10.18522/2227-8656.2022.2.7

Тип статьи в журнале – научная

**УПРАВЛЕНИЕ СОЗНАНИЕМ
СО СТОРОНЫ
ЭКСТРЕМИСТСКИХ
ОРГАНИЗАЦИЙ
СРЕДСТВАМИ ИНТЕРНЕТ-
КОММУНИКАЦИИ**

**CONSCIOUSNESS
MANAGEMENT BY
EXTREMIST ORGANIZATIONS
WITH THE MEANS
OF INTERNET
COMMUNICATION**

© 2022 г.

П. Н. Лукичев*,
А. А. Али*

© 2022

P. N. Lukichev*,
A. A. Ali*

* Южный федеральный университет,
г. Ростов-на-Дону, Россия

* Southern Federal University,
Rostov-on-Don, Russia

Цель исследования состоит в определении того, каким образом экстремистские организации осуществляют управление сознанием рекрутируемых ими индивидов в свою деятельность, используя средства массовой коммуникации.

Oblective of the study is to determine how extremist organizations manage the consciousness of individuals they recruit into their activities using mass communication media.

Методологическую базу исследования составляют системный методологический подход, использованный для анализа когнитивно-идеологических матриц индивидуального сознания; информационно-коммуникативный методологический подход, позволяющий рассмотреть процесс расшатывания и замены ядерных идеологем политического сознания активизируемыми пограничными идеологемами, которые прежде находились в дезактуализированном состоянии; субъектно-личностный методологический подход, примененный для раскрытия процесса воздействия экстремистской пропаганды при рекрутинге новых членов.

The methodological basis of the research consists of a systematic methodological approach used to analyze the cognitive-ideological matrices of individual consciousness, an information and communication methodological approach that allows us to consider the process of loosening and replacing nuclear ideologies of political consciousness with activated borderline ideologies that were previously in a de-actualized state, a subjective-personal methodological approach applied to reveal the process of the impact of extremist propaganda in recruiting new members.

Результаты исследования представлены выводом о роли активации экстремистской пропагандой пограничных идеологем в процессе переформатирования политиче-

Research results are presented by the conclusion about the role of activation of borderline ideologies by extremist propaganda in the process of reformatting the political consciousness

ского сознания личности; выводом о роли интернет-коммуникации в управлении со стороны экстремистских организаций сознанием социальных индивидов; выводом о радикализации политического сознания личности под воздействием экстремистской пропаганды средствами интернет-коммуникации и вовлечении ее в экстремистскую и террористическую деятельность.

Перспективы исследования разворачиваются в виде анализа деятельности конкретных экстремистских организаций, разработки методов противодействия пропаганде экстремизма и терроризма, реабилитации личности, подвергшейся пропаганде экстремизма.

Ключевые слова: радикализация, экстремизм, интернет-коммуникация, когнитивно-идеологические матрицы, ядерные, смежные, периферийные, пограничные идеологемы

of the individual, the conclusion about the role of Internet communication in the management of extremist organizations by the consciousness of social individuals, the conclusion about the radicalization of the political consciousness of the individual under the influence of extremist propaganda by means of Internet communication and its involvement in extremist and terrorist activities.

Prospects of the study unfold in the form of an analysis of the activities of specific extremist organizations, the development of methods to counter the propaganda of extremism and terrorism, the rehabilitation of a person subjected to the propaganda of extremism.

Keywords: radicalization, extremism, Internet communication, cognitive-ideological matrices, nuclear, adjacent, peripheral, borderline ideologies

Определение понятия «экстремизм» сопряжено с некоторыми трудностями.

Во-первых, потому что само понятие оказывается морально насыщенным настолько, что провести грань между радикализмом, экстремизмом и терроризмом оказывается крайне сложным. Это тот же гегелевский вопрос о «количественных» накоплениях и качественных переходах: где, в какой момент «волосатый» становится «лысым»? – соответственно, когда радикальные взгляды превращаются в экстремистские, экстремизм от ненасильственных форм переходит к насильственным действиям, а призывы к совершению террористических акций обращаются в их реализацию?

Во-вторых, потому что понятие «экстремизм» со временем начинает охватывать совершенно другие явления, впрочем, так же как «радикализм» и «терроризм». Так, скажем, терроризм от индивидуального террора переходит к массовому (хотя и прежде массовый террор имел место, но данное понятие на него не распространялось, да и формы его и средства были иными). Правый и левый радикализм становятся неразличимыми по обоюдному стремлению к изменению социальной организации (Lipset, 1960. P. 141). Экстремистскими сегодня называются отнюдь не те социальные движения, которые именовались таковыми еще в не-

давнем прошлом. Например, движение суфражизма – борьбы за избирательные права женщин – в 20-е годы XX в. в «цивилизованной» Великобритании считалось экстремистским. Иначе говоря, по мере того как изменяется социальная, политическая, экономическая ситуация и происходит динамическое развитие общества, трансформируется семантика этих категорий, в том числе и понятия «экстремизм» (Юрчак, 2018).

То, что считается экстремистским, очевидно, соотносится с неким «нормальным», «центристским» отношением к социальной реальности, отличным от крайней политической маргинальности. Тем самым экстремизм следует понимать только в контексте текущих социально-политических условий, в которых существует некоторое обычное, нормальное состояние общественного сознания. Признание этого заставляет избегать строгой дефиниции понятия, принимая вместо него более гибкий подход с использованием его в контексте осуществляемых действий, т. е. как «поведенческую радикализацию», или как определенный тип убеждений, т. е. в качестве «когнитивной радикализации». В результате экстремистские взгляды и действия необходимо категориально и категорически различать, поскольку одно далеко не всегда приводит к другому, как возможность не означает ее реализацию. Поэтому, например, Л. Ианнаконе и Э. Берман различают такие понятия, как «религиозный экстремизм» и «религиозная воинственность» (Iannakone, 2008), в смысле военной организации религиозных фанатиков.

В принципе можно говорить о трех категориях экстремистских групп или отдельных лиц: тех, кто преследует крайние цели и использует крайние средства; тех, кто преследует крайние цели, но не прибегает к крайним средствам; тех, кто придерживается традиционных взглядов и ценностей, но использует крайние средства для их реализации (Conway, 2017). Однако это другое измерение, нежели ненасильственный и насильственный экстремизм, которые можно классифицировать как доктринальный и функциональный, который имеет тенденцию к слиянию с терроризмом как политически мотивированным насилием в виде тактики, нацеленной на порождение страха и запугивание в нынешних условиях уже не отдельных представителей политической элиты (что, например, имело место в конце XIX в. в России), а массы населения региона или страны в целом. В то же время многие насильственные экстремистские группы воздерживаются от террористических актов ввиду их малой эффективности, что требует разделения понятий «терроризм» и «насильственный экстремизм».

Сложность в определении экстремизма еще более возрастает, когда мы переходим к понятию «радикализация». Д. Делла Порта справедливо

отмечает семантическую непоследовательность, наличествующую в научной литературе в отношении этого термина. Он отмечает его различное понимание: как процесса, ведущего к более широкому использованию политического насилия; как процесса эскалации насилия; как усиления представлений о возможности стратегического использования физической силы для достижения политических целей (Della Porta, 1992, 1998). Функционально это означает повышение готовности к межгрупповому конфликту, изменение убеждений, чувств и поведения в направлении оправдания насилия и жертв, а это, в свою очередь, ведет к когнитивной допустимости незаконных, «экстремальных», т. е. экстремистских, действий. Иными словами, радикализация, как и ее завершенная стадия «радикализм», имея еще ненасильственный характер, содержит потенциальность реализации насильственных действий, что убедительно показал М. Сейджмен при рассмотрении биографий террористов «Аль-Кайды», придя к выводу, что глобальный салафитский джихад представляет собой в большей мере самоорганизующуюся сетевую структуру, нежели структуру, созданную по воле бен Ладена, и социальные связи играли в появлении этой структуры большую роль, чем идеология (Сейджмен, 2008. С. 78–88, 140–141, 185, 191). Он же отмечает, что радикализация является преимущественно процессом, направленным снизу вверх, т. е. осуществляется в значительной степени за пределом компетенции и влияния формальных организаций, так что социальная сеть выступает более мощным фактором катализации, чем внешнее воздействие экстремистских организаций и их официальных рекрутеров.

Противоположная точка зрения связывает радикализацию с нисходящим процессом, который иерархически организован со стороны экстремистских и террористических организаций (Hoffman, 2008). Официальный информационно-пропагандистский агент выступает в роли вербовщика, привлекающего в ряды организации с использованием систем массовой коммуникации людей, предрасположенных к принятию экстремистской идеологии.

Видимо, оба взгляда адекватны реальности, и оба процесса – нисходящий и восходящий – существуют на практике.

В ходе общения индивидов в социальных сетях интернет-коммуникации неизбежно поднимаются социальные вопросы и вопросы, связанные с политической ситуацией, что приводит к возникновению эффекта эхокамеры. Обнаружение общности взглядов, их синхронизация производят усиление ментальных процессов, эскалация которых означает радикализацию сознания. С другой стороны, внедрение агентов экстремистских организаций и вбрасывание ими в сеть соответствующую

щей информации позволяют обнаружить близких по взглядам корреспондентов. Использование такими агентами части фактического материала и большей части фейковой информации, эмоционально насыщенной, воздействующей в первую очередь на чувства участников коммуникации, также позволяет создать эффект эхокамеры. Постепенное наращивание вбросов производит радикализацию сознания, изменяя когнитивно-идеологическую матрицу в сознании индивидов (Константинов, 2018), что, собственно, и является целью деятельности резидента экстремистской организации.

Постоянное общение друг с другом, в том числе и общение в социальных сетях, приводит к тому, что через сознание индивида проходят разнообразные и разнонаправленные идеи, которые *volens nolens* образуют систему в виде когнитивно-идеологической матрицы. Последняя представляет собой систему, в которой наличествуют ядерные, смежные, периферийные и пограничные идеологемы (Лукичев, 2018; Lukichev, 2018). Но если ядерные идеологемы являются наиболее устойчивыми к прочим идейно-политическим воздействиям, то пограничные идеологемы оказываются в состоянии пересечения и с периферийными, и со смежными, и даже с ядерными идеологемами других, иной раз совершенно чуждых индивиду идеологий.

Иными словами, в голове каждого социального индивида содержится вся совокупность идейно-политических установок, которые наличествуют в обществе в целом, но одни из них находятся в дезактуализированном состоянии, а другие же активизированы (Лукичев, 2016). Тем самым задачей агента экстремистской организации в коммуникативных сетях является не только обнаружение подходящих корреспондентов, но и такое воздействие, чтобы активизировать прежде дезактуализированные пограничные идеологемы, расшатать устойчивые структуры идеологической системы личности и в итоге заменить одну когнитивно-идеологическую матрицу другой.

Возникающие в «эхокамерах» социальные группы посредством подобных информационных воздействий превращаются в спящие ячейки экстремистской организации. Постепенное нарастание радикальной ориентации, радикализация политических взглядов и формирование установок на экстремистские действия готовят спящую ячейку к осуществлению акций в нужный момент времени, так что по сигналу из центра, находящегося в безопасности и далеко от территории возбуждаемых событий, ячейки просыпаются, совершая экстремистские и террористические акты.

Совершенно очевидно, что экстремистские организации не получили бы столь широкого влияния и их действия не имели бы такого резонанса, если бы не действительно умелое использование виртуальных ландшафтов. Как прежде экстремисты и террористы использовали почту и телефон, так сегодня они используют Интернет (Conway, 2006). Вместе с достижениями в области технологий и сдвигами в цифровом обеспечении информационной среды развивались и методы управления сознанием индивидов, погруженных в интернет-коммуникацию.

Еще до того, как появился термин «Всемирная паутина», в 1985 г. в Соединенных Штатах возникла организация «Белое арийское сопротивление», которая онлайн создала доску объявлений, посвященных обмену новостями, содействию вербовке и распространению экстремистских учебных материалов. С этого времени многое изменилось, но цели остались прежними. В течение первых полутора десятилетий существования Интернета экстремисты преследовали четыре ключевые цели, используя имеющиеся платформы: повышение своей привлекательности на международной арене, привлечение новых лиц, налаживание связей с группами единомышленников, расширение своего влияния на сознание как можно большего числа индивидов. Интернет стал пространством ведения психологической войны, техническим средством пропаганды, привлечения финансовых средств и аккумуляции ресурсов, мобилизации новых сторонников, формирования связей с другими организациями и группами, позволяя им обмениваться логистической информацией, координировать и планировать экстремистские действия и террористические акты (Chris Hale, 2012).

Быстрая эволюция технических средств коммуникации и, по сути, непредсказуемость будущих технологических достижений не изменяют цели использования интернет-коммуникации экстремистскими организациями. Они остаются теми же. Меняются цифровые основания. От статичных веб-сайтов, на которых первоначально в Интернете разворачивалась деятельность радикальных элементов, экстремистских и террористических организаций в течение более десяти лет, они перекочевали на интернет-форумы, а затем на платформы социальных сетей, таких как Twitter, Facebook, «ВКонтакте», и в центры обмена файлами, такие как YouTube. В немалой степени это было связано с тем, что каждая из социальных сетей обладает своими недостатками, позволяющими органам безопасности в развитых странах мира, хотя и со значительным запозданием, предпринимать меры по борьбе с интернет-экстремизмом.

Например, в течение некоторого времени у салафитских джихадистов были в моде статические веб-сайты. Конечно, они и сегодня оста-

ются в активном использовании, но оказались несовершенными инструментами для идеологической инкубации. Как иерархически организованные и управляемые статические платформы они оставляют следы ответственных лиц, что делает возможным блокирование их индивидуального участия. Новые возможности с появлением онлайн-форумов были сразу же использованы джихадистскими экстремистами. Внешне это выглядело вполне безобидно – как обмен новостями, литературными заметками и дискуссиями, постепенно переводившимися в идеологическую плоскость, допускались даже споры между членами и лидерами этих движений, высмеивались соперники, критиковались противники. Этим удерживалось внимание верующих, и приверженцы вдавливались в заданные идеологические параметры. Джихадистские форумы по большей части были арабоязычными и наиболее важными для джихадистских групп как локусы, где пропаганда могла надежно и безопасно распространяться. Несмотря на их сравнительные преимущества перед статическими веб-сайтами, форумы также не были лишены недостатков. С 2013 г. такие группы, как «Аль-Каида» и «Аль-Шабааб», обратили внимание на возможности цифровых платформ, защищенных паролем и осуществляющих политику конфиденциальности данных своих пользователей. Twitter, Facebook, в особенности YouTube, стали мейнстримными в пропагандистской деятельности экстремистских организаций. Миграция их в эти социальные сети стала всерьез происходить после того, как в сентябре 2013 г. «Аль-Шабааб» в прямом эфире твитнула информацию о своей операции – нападении на торговый центр Westgate в Найроби (Кения).

Активное использование экстремистскими организациями социальных сетей на популярных платформах заставило обратить на них внимание органов безопасности и научного сообщества, которое было привлечено к их исследованию в этом отношении. Статистический анализ 46 000 учетных записей (только за сентябрь – декабрь 2014 г.) позволил установить джихадистские организации и связанные с ними группы – «Джабхат-ан-Нусра», «Исламское государство Ирака», «Аль-Шам», а также определить ключевые координационные центры и их расположение. Подобные исследования показали, что в онлайн-джихадистском ландшафте произошел тектонический сдвиг. Он все больше представляет собой не закрытую сеть форумов, на которых преимущественно говорят на арабском языке, вместо этого он стал глобальным ульем политической активности и культурного обмена. Проведенный анализ дал возможность осуществить противодействие экстремистской активности. Корпорации социальных сетей и центры обмена фай-

лами начали расправляться с джихадистами, используя собственные платформы, цензуру учетных записей, приостановку и выдавливание участников экстремистских форумов.

В результате с 2018 г. произошла еще одна трансформация в структуре джихадистского активизма онлайн. Его снижение на основных сервисах, таких как, скажем, Twitter, было стремительным. В ответ на предпринятые меры джихадистское сообщество снова мигрировало, на этот раз в такие сервисы, как Telegram – гибридную платформу социальных сетей, оказавшуюся очень удобной для одноуровневого общения, групповых дискуссий и распространения пропаганды. Telegram рассматривается сегодня как предпочтительная платформа для распространения экстремистских взглядов. Поскольку с этого времени на Telegram оказывалось мощное давление со стороны обеспокоенных своей безопасностью государств с целью очистить платформу от джихадистов, им пришлось в очередной раз мигрировать на платформы, зашифрованные и максимизирующие конфиденциальность. Тем самым джихадисты (а напомним, мы привели их организации только в качестве наиболее известного примера) и представители других экстремистских организаций и групп перешли в «Темную паутину» (Darknet). Изучение того, как экстремисты используют шифрование, позволит вытеснить их и отсюда, да и в целом расправиться с «Темной паутиной».

К сожалению, эффективной прививки от экстремизма не существует, и можно только ослабить его действие посредством правового воспитания и превентивной контрпропаганды общечеловеческих нравственных ценностей и гуманизма.

Литература

Ахильгов А. М. Экстремизм: понятие, сущность, классификация [Электронный ресурс] // Молодой ученый. 2020. № 23 (313). С. 183–186. Режим доступа: <https://moluch.ru/archive/313/71150/>.

Константинов М. С. Когнитивно-идеологические матрицы // Политика развития, государство и мировой порядок: материалы VIII Всерос. конгресса политологов. Москва, 6–8 декабря 2018 г. / под общ. ред. О. В. Гаман-Голутвиной, Л. В. Сморгунова, Л. Н. Тимофеевой. М.: Аспект-Пресс, 2018.

Лукичев П. Н. Идеологемы правого радикализма в общественном сознании

References

Akhilgov, A. M. (2020). Extremism: concept, essence, classification. *Molodoy uchenyj*, 23 (313), 183–186. Available at: <https://moluch.ru/archive/313/71150/>. (In Russian).

Konstantinov, M. S. (2018). Cognitive-ideological matrices. *Development policy, state and world order: Proceedings of the VIII All-Russian congress of political scientists, Moscow, December 6–8, 2018*. In O. V. Gaman-Golutvina, L. V. Smorgunov, L. N. Timofeeva (Eds.). Moscow: Aspekt-Press Publ. (In Russian).

Lukichev, P. N. (2016). Ideologems of right-wing radicalism in the public con-

студентов вузов Ростовской области // Гуманитарий Юга России. 2016. № 6. С. 80–91.

Лукичев П. Н. Пограничные идеологии правого радикализма в студенческой среде Ростовской области (по материалам социологического исследования) // Обзор. НЦПТИ. 2018. № 1 (12). С. 34–49.

Сейджмен М. Сетевые структуры терроризма. М.: Идея-Пресс, 2008.

Юрчак А. В. Понятие и сущность экстремизма // Вопросы науки и образования. 2018. № 17 (29). С. 56–57.

Conway M. Determining the role of the internet in violent extremism and terrorism: six suggestions for progressing research // *Studies in Conflict & Terrorism*. 2017. № 1 (40). P. 77–98.

Conway M. Terrorists' use of the Internet // *Information & Security*. 2006. Vol. 19. P. 9–30.

Chris Hale W. Extremism on the world wide web: A research review // *Criminal Justice Studies*. 2012. № 25. P. 343–356.

Della Porta D. Political Socialization in left-wing underground organizations: biographies of Italian and German militants // *International Social Movement Research*. 1992. № 4. P. 259–290.

Della Porta D. Recruitment process in clandestine political organizations: Italian left-wing terrorism // *International Social Movement Research*. 1998. № 1. P. 155–169.

Hoffman B. The myth of grass-roots terrorism. Why Osama bin Laden still matters // *Foreign Affairs*. 2008. № 87. P. 133–138.

Iannakkone L. R., Berman E. Religion, economics // *The New Palgrave Dictionary of Economics*. Second Edition. S. N. Durlauf, L. E. Blume (Eds.). 2008. Vol. 7.

Lipset S. M. *Political Man*. Garden City. N.Y.: Doubleday, 1960.

Lukichev P. N. Boundary ideologemes of the right-wing radicalism in the student's environment of higher education institutions in the South of Russia (on the example of the Rostov region) // *Scientific Almanac of the Black Sea countries*. 2018. Vol. 16, № 4. P. 20–31.

sciousness of university students of the Rostov Region. *Gumanitarij Yuga Rossii*, 6, 80–91. (In Russian).

Lukichev, P. N. (2018). Borderline ideologies of right-wing radicalism in the student environment of the Rostov Region (based on the materials of a sociological study). *Obzor. NCPTI*, 1 (12), 34–49. (In Russian).

Sageman, M. (2008). Network structures of terrorism. Moscow: Ideya-Press Publ. (In Russian).

Yurchak, A. V. (2018). The concept and essence of extremism. *Voprosy nauki i obrazovaniya*, 17 (29), 56–57. (In Russian).

Conway M. (2017). Determining the role of the internet in violent extremism and terrorism: six suggestions for progressing research. *Studies in Conflict & Terrorism*, 1 (40), 77–98.

Conway, M. (2006). Terrorists' use of the Internet. *Information & Security*, 19, 9–30.

Chris Hale, W. (2012). Extremism on the World wide web: A research review. *Criminal Justice Studies*, 25, 343–356.

Della Porta, D. (1992). Political Socialization in left-wing underground organizations: biographies of Italian and German militants. *International Social Movement Research*, 4, 259–290.

Della Porta, D. (1998). Recruitment process in clandestine political organizations: Italian left-wing terrorism. *International Social Movement Research*, 1, 155–169.

Hoffman, B. (2008). The myth of grass-roots terrorism. Why Osama bin Laden still matters. *Foreign Affairs*, 87, 133–138.

Iannakkone, L. R., Berman, E. (2008). Religion, economics. *The New Palgrave Dictionary of Economics*. Second Edition. S. N. Durlauf, L. E. Blume (Eds.), 7.

Lipset, S. M. (1960). *Political Man*. Garden City. N.Y.: Doubleday.

Lukichev, P. N. (2018). Boundary ideologemes of the right-wing radicalism in the student's environment of higher education institutions in the South of Russia (on the example of the Rostov Region). *Scientific Almanac of the Black Sea Countries*, 16, 4, 20–31.

Для цитирования: Лукичев П. Н., Али А. А. Управление сознанием со стороны экстремистских организаций средствами интернет-коммуникации // Гуманитарий Юга России. 2022.2 (54). Т. 11. С. 89–98. DOI 10.18522/2227-8656.2022.2.7

История статьи:
Поступила в редакцию – 26.11.2021 г.
Получена в доработанном виде – 18.01.2022 г.
Одобрена – 28.01.2022 г.

Сведения об авторах

Information about authors

Лукичев Павел Николаевич

Pavel Nikolaevich Lukichev

Доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры конфликтологии и национальной безопасности, Институт социологии и регионоведения Южного федерального университета

Doctor of Sociological Sciences, Professor, Professor of the Department of Conflictology and National Security, Institute of Sociology and Regional Studies, Southern Federal University

344006, г. Ростов-на-Дону,
ул. Пушкинская, 160,
e-mail: lukichev@inbox.ru

160 Pushkinskaya St.,
Rostov-on-Don, 344006,
e-mail: lukichev@inbox.ru

Али Абдирахман Ахмед

Abdirahman Ahmed Ali

Аспирант кафедры конфликтологии и национальной безопасности, Институт социологии и регионоведения Южного федерального университета

Postgraduate Student of the Department of Conflictology and National Security, Institute of Sociology and Regional Studies, Southern Federal University

344006, г. Ростов-на-Дону,
ул. Пушкинская, 160,
e-mail: salaaxudiin2011@gmail.com

160 Pushkinskaya St.,
Rostov-on-Don, 344006,
e-mail: salaaxudiin2011@gmail.com